

В.Г. ЛАЗАРЕНКО
V. G. LAZARENKO

**К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОЙ ВЕРИФИКАЦИИ
СЮЖЕТОВ, СВЯЗЫВАЕМЫХ С ОБРАЗОМ АХИЛЛА
НА АНТИЧНЫХ АРТЕФАКТАХ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, И ИСТОКАХ ПОЧИТАНИЯ
АХИЛЛА В СКИФСКОЙ СРЕДЕ**

**REVISITING THE ADEQUATE VERIFICATION
OF THE PLOTS ASSOCIATED WITH THE
ACHILLES' IMAGE ON ANCIENT ARTIFACTS OF THE
NORTHERN BLACK SEA REGION, AND THE ORIGINS
OF THE VENERATION OF ACHILLES
IN THE SCYTHIAN ENVIRONMENT**

Почти полтора века исследователи изучают артефакты, обнаруженные в Северном Причерноморье, изображения на которых считают связанными с мифологией Ахилла. К таковым, кроме надписей (включая граффити), относятся или изображения каких-либо реалистических сцен из жизни Ахилла, или символические изображения, отражающие, по мнению ученых, какой-то из аспектов образа Ахилла. Одновременно с этим предпринимались попытки определить причины высокой популярности данного образа в античном Северном Причерноморье, в частности, в скифской среде. В результате получены далеко неоднозначные результаты в плане верификации различных изображений, в настоящее время исследования сосредоточены в основном на их искусствоведческих аспектах. При этом выдвинуты различные версии истоков популярности Ахилла среди «варваров». Таким образом, следует констатировать, что работа в указанных направлениях еще далека от завершения. С другой стороны, в последние годы появился ряд работ, не только доказывающих значительное местное влияние на культ Ахилла в Северном Причерноморье, но и глубокую, восходящую в индоевропейской языковой общности древность истоков образа Ахилла в данном регионе. Это делает возможным рассмотреть причины его популярности в скифской среде в новых аспектах. Настоящее исследование предпринято с целью приблизиться к разрешению данной проблемы в части реалистических изображений.

Прежде всего, это хорошо известный ряд изображений, которые связываются с различными эпизодами из жизни Ахилла, на произведениях торевтики, найденных в скифских курганах. На основании схожести декора их классифицируют таким образом: чертомлыкская и вергинская группы обкладок горитов и чертомлыкская группа

обкладок ножен мечей. В первую из них входят обкладки горитов из следующих курганов: Чертомлык, Ильинецкий, Мелитопольский и Восьмой группы «Пять братьев» Елизаветинского могильника¹. Вторая группа² включает в себя фрагментированную серебряную накладку горита из кургана Карагодеуашх на Кубани (близ г. Крымска Краснодарского края) [Мальмберг 1894, с. 122 – 128, рис. 1 – 7, табл. IX] и идентичную ей, но золотую, найденную у входа в гробницу Большого кургана³ близ Вергины в Северной Греции [Andronicos, 1984, p. 180–186, fig. 146–149]. Группу обкладок ножен составляют находки из кургана Чертомлык и Восьмого кургана группы «Пять братьев», обнаруженные вместе с указанными выше обкладками горитов, а также обкладки ножен, случайно найденные в 1880 г. крестьянином, жившим в деревне Чаян (сегодня с. Запорожское), в 25 км к северо-западу от Евпатории. Последние относятся сегодня предположительно к кургану Чаян, расположенному там же [Scheglov, Katz, 1991].

Рассматривая названную по месту первой находки чертомлыкскую серию золотых обкладок (обивок) горитов (рис. 1-3), датируемых 340–320 гг. до н.э., следует отметить, что история интерпретации изображенных на них сюжетов была далеко не простой. Вскоре после открытия чертомлыкского горита его подробное описание дал Л. Стефани, который высказал мнение, что здесь изображены отдельные сцены, иллюстрирующие аттический миф об Алопе⁴ [Стефани, 1865, с. 152–171]. Затем эту же версию (без ссылки на Л. Стефани) привели И.И. Толстой и Н.П. Кондаков [1889, с. 145]. В том же 1889 году в докладе на заседании Берлинского археологического общества К. Роберт обосновал предположение, что композиция на данном горите представляет собой не отдельные сцены на каждом из фризов, а составляет

¹Обкладки горитов этой серии были последовательно найдены: в 1863 г. И.Е. Забелиным в кургане Чертомлык (примерно в 20 км от г. Никополя, у днепровских порогов на реке Чертомлык, Украина); в 1902 г. при раскопках Н.Е. Бранденбурга в кургане у с. Ильинцы (современный г. Ильинцы в Винницкой области Украины); в 1954 г. А.И. Тереножкиным в Мелитопольском кургане (в северо-западной части города г. Мелитополя Запорожской области Украины); в 1959 г. В. П. Шиловым в Восьмом Пятибратнем кургане у станицы Елизаветовской (на берегу Дона в его дельте, в Азовском района Ростовской области).

²Название данной группы можно признать правомочным, хотя находка в кургане Карагодеуашх была сделана гораздо ранее. Однако она представлена лишь несколькими фрагментами горита, в то время как горит из Вергины дошел до нас целиком. Поэтому интерпретация сюжетов данной серии построена в основном на нем.

³«Большой курган» располагается среди обширного поля малых курганов близ селения Вергины (в 80 км от города Салоники). В этом кургане обнаружена гробница, идентифицированная как место погребения царя Филиппа II, отца Александра Македонского [Андроникос, 1990]. Александр же, по Плутарху, считался потомком Ахилла по линии матери – от сына Ахилла Неоптолема (Plut. Alex. II)

⁴По преданию, Алопа – возлюбленная Посейдона, родившая от него Гиппофонта (названного так, потому что он был вскормлен конями) и убитая за это своим отцом Керкионом, царем Элевсина. Посейдон превратил тело Алопы в источник её имени. Другая версия мифа гласит, что герой Тесей убил Керкиона, затем похитил и изнасиловал его дочь. Гиппофонта же Тесей сделал впоследствии царём Элевсина.

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

одно неразрывное целое; источником же этих сцен, по его убедительной аргументации, была известная картина Полигнота, где изображено обнаружение Одиссеем Ахилла среди дочерей царя Ликомеда на острове Скирос. Затем эти выводы поддержал В. К. Мальмберг, сравнив одну из сцен фрагментированного горита из кургана Карагодеуашх с «похожей группой чертомлыкского горита» [Мальмберг, 1894, с. 180, 188], однако некоторые персонажи сложной композиции тогда были идентифицированы ошибочно. Впервые прояснил практически все неясности Б. В. Фармаковский [1911, с. 82–98], выводы которого, в плане системы описания сюжета чертомлыкского горита, были полностью приняты ученым сообществом. И в последующем разработка сюжета К. Робертом, В. К. Мальмбергом и Б. В. Фармаковским также принималась без существенных оговорок [Черненко, 1981, с. 80]. Действительно, вряд ли стоит даже предполагать, что аттический миф об Алопе был настолько известен и, тем более, близок скифам, что они возжелали бы иметь изображение его сюжетов на золотой обивке своего горита, С другой стороны, следует согласиться с тем, что имеется «намного больше оснований для предположения, что заказчики горитов с сюжетами из жизни и подвигів Ахилла знали, чьи подвиги изображены на их оружии» [Черненко, 1981, с. 86], однако различные версии причин высокой популярности образа Ахилла в скифской среде мы подробно рассмотрим ниже.

Вывод о смысловом единстве изображений на всех перечисленных горитах в последние десятилетия стал практически бесспорным, что зафиксировано в трудах ряда скифологов [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 121–128, рис. 140; Алексеев и соавт. 1991, с. 224–225]. В.Д. Блаватский считал сцены декора чертомлыкского горита отражением культа Ахилла Понтарха [Блаватский, 1964b, с. 30]. Однако уточним, что культ Ахилла Понтарха в IV в. до н.э. еще не сформировался, появившись только в римское время, так что речь должна идти об образе Ахилла вообще. Учитывая последующие рассуждения о причинах его популярности в скифской среде, считаем необходимым привести достаточно подробное содержание сюжета, воспроизведенного на обивках чертомлыкской серии, как его представила Н.А. Онайко. Он дается слева направо, начиная со второго фриза, следующим образом. Первым слева изображен юноша, сидящий на скале. Он обучает маленького Ахилла стрельбе из лука⁵. Вслед за этим показан эпизод обнаружения Ахилла на о-ве Скирос. В центре фриза изображен Ахилл, вскочивший с места. Его обнаружил Одиссей, который под видом торговца проник в убежище, где мать прятала Ахилла. Одиссей принес с собой оружие, спрятав его среди украшений, с целью вызвать у героя желание принять участие в походе. Справа от Ахилла спокойно сидит Одиссей и держит руку юноши. Рядом – женщина, по-видимому, кормилица или рабыня, которая удерживает за гиматий женщину, распростершую руки. Эта женщина, очевидно, дочь царя Ликомеда

⁵Достаточно трудно представить себе, зная мифологию Ахилла, кто этот юноша. Есть мнение [Русяева, 2002, с. 126, 128], что в первой сцене Ахилл обучает своего маленького сына Неоптолема стрельбе из лука и далее: «Огорченный и напуганный Неоптолем сообщает матери и няне о неожиданном прибытии незнакомых людей (посольской миссии во главе с Одиссеем)».

– Деидамия, которая имела от Ахилла сына Нептолема. Ее горе можно понять – она вспомнила предсказание, согласно которому Ахилл обязательно погибнет, если им овладеет «дух Арея». За Деидамией на табурете величаво сидит, опершись на посох, царь Ликомед. Возле него с мечом в руке возлежит Ахилл. Рядом с ним его оружие – щит и лежащий под ним шлем. Все фигуры в правой части фриза демонстрируют сцену прощания семьи Ликомеда с героем, уходящим на войну. Продолжают этот сюжет и фигуры, находящиеся в левой части нижнего фриза. Торжественно сидит мать-царица, опираясь на сидящих рядом дочерей. За ними стоит служанка. Из четырех лиц состоит следующая сцена, изображающая примирение Ахилла с Агамемноном. На троне сидит Агамемнон. По сторонам от Ахилла стоят Одиссей и Диомед. Ахилл полулежит. У его ног щит и шлем (по мнению В. П. Шилова, на Ахилла надевают доспехи, присланные Фетидой для боя с Гектором). В руках Ахилл держит «поножи». Завершает фриз печальная и одинокая Фетида, уносящая урну с прахом погибшего Ахилла. В этих сценах представлено законченное повествование [Онайко, 1970, с. 26].

Не возражая этому описанию в целом, Е.В. Черненко считает: «Соглашаясь с мнением исследователей, видевших на горитах чертомлыкской серии воспроизведение сцен из жизни Ахилла, следует отметить некоторое явное несоответствие отдельных фигур – предметы, которые с ними связаны, не позволяют их трактовать однозначно. К их числу следует отнести четыре фигуры, замыкающие серию изображений. Сидящая фигура молодого мужчины обычно трактуется как Ахилл, надевающий доспехи. Действительно, у табурета, на котором он сидит, лежат щит и шлем. Он их не надевает. А прямоугольные предметы, которые он держит в руках, не только поножами, но ни одним из предметов вооружения быть ни в коем случае не могут. Вряд ли в руках у Фетиды, замыкающей этот ряд, урна с прахом Ахилла. Предмет этот больше похож на ладенца, которого мать бережно прижимает к груди»⁶. Далее Е.В. Черненко, напоминая, что еще Б. В. Фармаковский [1911, с. 72–77], при сравнении чертомлыкской и ильинецкой обкладок обратил внимание на некоторые различия в их декоре, указывает: «Но при дополнительной проработке деталей изображений в декор были внесены довольно хорошо заметные индивидуальные различия [Черненко, 1981, с. 86–87]. Кроме того, для предпоследней сцены – «Ахилл под стенами Трои» существуют несколько вариантов трактовки, по одному из которых, как указано выше, здесь изображены Одиссей и Диомед, а в кресле сидит Агамемнон; но сегодня предпочтителен вариант, что здесь представлен Ахилл, к которому прибыл царь троянцев Приам, принеший выкуп за тело своего сына Гектора [Алексеев, 2012, с. 207]. Но всё это, конечно, не очень существенно в контексте нашего исследования, главное же – бесспорность отнесения всех этих сюжетов к мифологии

⁶Данную трактовку поддержали А.И. Тереножкин и Б.Н. Мозолевский: «Мы полностью поддерживаем его (Е.В. Черненко) мнение, полагая, что сцена (в трактовке Н.А. Онайко) требует нового, более обоснованного прочтения» [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 127]. Но, например, М.В. Русяева считает, что здесь изображена Деидамия с прощальным даром Ахиллу в руках [Русяева, 2002, с. 134].

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной...

Ахилла. При рассмотрении сцен на обивке горита из Восьмого Пятибратнего кургана В.П. Шилов описал их все, хотя и кратко, практически так же, как описаны сцены приведенного выше чертомлыкского горита [Шилов, 1961, с. 161].

Об устойчивой популярности подобных сюжетов в Северном Причерноморье свидетельствует находка так называемого Мирмекийского саркофага⁷, датируемого II в. н.э. Имеющиеся на нём изображения также содержат различные сюжеты о пребывании Ахилла на острове Скирос, среди них ключевой (изображенной на лицевой стороне саркофага) является сцена «узнавания» Ахилла Одиссеем и его спутниками [Бутягин, Виноградов, 2016, с. 14–26]. Следует согласиться с тем, что данный саркофаг с его изображениями (рис. 4) представляет тот же круг памятников, что и гориты «чертомлыкской» серии. Поразительно, но большинство сюжетов на данном саркофаге и горитах этой серии очень похожи, хотя их создание разделено пятью веками.

Первая находка второй, вергинской серии случилась в 1888 г., когда археолог-любитель Е.Д. Фелицын обнаружил в кургане Карагодеуашх (неподалеку от г. Крымска Краснодарского края) горит, украшенный сильно фрагментированной серебряной пластиной, покрытой листовым золотом (рис. 5А). Следует особо отметить, что, имея такой неполный материал, В. К. Мальмберг очень удачно реконструировал изображение данной обкладки [Мальмберг, 1894, с. 125–128, рис. 1; 2; 4-7; табл. IX. 21]. С.А. Жебелёв даже назвал публикацию В.К. Мальмбергом материалов кургана Карагодеуашх «образцовым исследованием» [Жебелёв, 1923, с. 144]. Но только находка горита в гробнице из Вергины (рис. 5Б) позволила восстановить подлинное положение всех остальных фрагментов карагодеуашхского горита, на которых есть изображения. Поскольку эти гориты оказались в буквальном смысле двойниками, каждый их этих фрагментов четко нашел свое место на полотне вергинской обивки [Черненко, 1981, рис. 50]. По мнению М. Андроникоса, здесь воспроизведены сцены штурма и разграбления Трои [Andronicos, 1977, p. 66]. Подробно они представлены, например, в изложении Е.В. Черненко [1981, с. 70-71], где особо обращает на себя внимание следующее: «Четвертая фигура – воин с гиматием, переброшенным через левое плечо, держит в левой руке круглый щит, украшенный вдоль внутреннего края волнистым орнаментом. В правой руке он держит короткий меч, перевязь-портупея для ножен которого переброшена через плечо... Аналогично одет и вооружен воин, устремляющийся ему навстречу... *Поза этого воина поразительно напоминает позу Ахилла на горитах чертомлыкской серии* (выделение наше – В.Л.)». Сегодня нет препятствий считать эти изображения принадлежащими к Троянскому циклу, в том числе – к мифологии Ахилла, а обе обивки вергинской

⁷Разбитый на части мраморный саркофаг был обнаружен в 1834 г. матросами Керченского порта, которые занимались установкой флагштока на скале Карантинного мыса – на территории неисследованного тогда античного городища Мирмекий, хотя П. Дюбрюкс снял его план еще в 1820 г.

серии, учитывая их стиль и сюжет, являются практически одновременными по изготовлению чертомлыкской серии [Акимова, 2013, с. 609].

Непростой была также трактовка изображения битвы, помещенного на ножнах мечей из Чертомлыка, Восьмого Пятибратнего кургана и (предположительно) кургана Чаян⁸. В.К. Мальмберг, рассматривая находку из Чертомлыка (рис. 6), предположил, что в данном случае изображены сцены греко-персидской войны, а первая от устья ножен фигура изображает Мильтиада: «Предводитель греков на золотой обивке чертомлыкских ножен представляет собой повторение Мильтиада на картине Марафонской битвы из афинской Расписной галереи (στοα ποικίλη)», украшенной росписями знаменитого Полигнота. Это заключение В.К. Мальмберг затем неоднократно и убежденно повторял [Мальмберг, 1894, с. 184-185; 1913, с. 515; 1914, с. 310]. Описывая ряд сцен чертомлыкской накладки ножен, В.К. Мальмберг также видит аналогию им во фрагменте фриза из храма Аполлона в Бассах близ Фигалии и указывает, в частности: «В фиγαлийском фризе мы имеем интересную группу воина, сзади срывающего с коня за волосы амазонку; эта группа затем повторяется и в других памятниках греческого искусства. На ножнах ее нет, может быть, потому, что противниками греков являются не амазонки, а, как я думаю, персы; но, кроме того, для подобной группы было бы слишком мало места» [Мальмберг, 1914, с. 313–315]. При чтении этого текста складывается впечатление, что В.К. Мальмберг серьезно думал о связи сюжета на чертомлыкской обкладке ножен с амазонками, но, к сожалению, не нашел для этого достаточных оснований.

Ряд исследователей видели на этих обкладках ножен изображение битвы между греками и скифами – иногда даже конкретной, обстоятельства которой были знакомы и грекам, и скифам [Толстой, Кондаков, 1889, с. 147-148; Шилов, 1961, с. 159; Яценко, 1977, с. 94]. Однако это толкование давно встретило обоснованные возражения, поскольку безусловно «изображение боя скифов с греками не нашло бы сбыта в дружественной эллинам скифской среде»; с предложением видеть в представленных на ножнах варварах персов – военных противников как греков, так и скифов [Richter, 1931, p. 46]. Напомним, что еще В. К. Мальмберг высказал предположение о персах на данном изображении. Однако Д.С. Раевский, говоря о толковании В.К. Мальмберга, замечает, что «его сопоставление (вполне вероятно, справедливое) не позволяет окончательно решить вопрос о сюжете чертомлыцкой композиции», и в то же время напоминает: «Общеизвестно, что Троянская война трактовалась древними как своего рода “модель” противостояния Европы и Азии, эллинства и варварства. Эта трактовка не могла не отразиться в изобразительном искусстве».

⁸Ранее бытовало мнение, что эта обкладка ножен (рис. 8) была обнаружена недалеко от Никополя, на Нижнем Днепре – то есть в окрестностях могилы Чертомлыка [Richter, 1931, p. 47]. После обстоятельного анализа всех сохранившихся сведений об обстоятельствах этой находки и ее дальнейшей судьбы [Scheglov, Katz, 1991, p. 98–102, 111–114] сегодня с большой вероятностью можно считать, что она происходит из кургана Чаян (в 25 км к северо-западу от Евпатории в Крыму).

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

Далее исследователь, опираясь на утверждение: «Тенденция к этнографическому противопоставлению эллинов и троянцев в античном искусстве нарастает по мере продвижения от архаики к эллинизму. Поэтому подчеркнутые отличия эллинов и варваров на нашем памятнике не могут препятствовать предлагаемой интерпретации», обоснованно предлагает «толкование всего изображения на чертомлыцких ножнах как воплощающего эпизода Троянской войны. Тогда в обнаженном юном герое следующей сцены (как отмечалось выше, центральной в композиции и являющейся, видимо, средоточием всего сюжета) есть все основания видеть главное действующее лицо событий, последовавших за смертью Патрокла, – Ахилла, мстящего троянцам за смерть своего друга... центральная сцена чертомлыцких ножен как композиционно, так и в деталях прямо перекликается с многочисленными в эллинском искусстве сценами ... сочетание в рамках единого сюжета эпизодов борьбы эллинов с амазонками и варварами-мужчинами возможно лишь в контексте троянского цикла и что битва Ахилла с амазонками под стенами Трои произошла, согласно традиции, вскоре после гибели Патрокла, мы получаем логичное единое толкование серии эпизодов чертомлыцкой композиции <...> Эпизод амазономании более автономен и в то же время более пригоден на роль концентрированного выражения смысла всей серии эпизодов... Все изложенное заставляет трактовать изображение на чертомлыцких и идентичных им обкладках ножен как воплощение сюжетов троянского цикла, выборочно и, возможно, с некоторой перегруппировкой сцен воспроизводящее какой-то неизвестный оригинал. Центральное место в нашей композиции отведено эпизоду с Ахиллом, да и остальные по содержанию тяготеют к этому герою. Это обстоятельство требует вернуться к гипотезе о переосмыслении в Скифии изображений Ахилла» [Раевский, 1980, с. 61–63, 66].

Несмотря на достаточную убедительность доводов Д.С. Раевского, другие авторы в последующем говорят лишь о том, что «иконография воинов-варваров включает детали, присущие в греческой изобразительной традиции как амазонкам, так и персам» и существует «гипотеза о возможном воспроизведении здесь сюжетов из эпического цикла о Троянской войне» [Алексеев, 2012, с. 214–215] или, считая, что «сюжет рельефов, видимо, связан с легендами о Троянской войне», вообще не упоминают амазонок [Уильямс, Огден, 1995, с. 177]. Нам встретилась искусствоведческая работа, где автор, в отношении чертомлыцкой серии обкладок ножен и серии горитов Вергины, ни словом не обмолвилась не то что об Ахилле, но даже о Троянской войне, указав: «На обкладке ножен представлены сцены битвы греков с варварами», хотя упомянула здесь же: «В отличие от обкладок ножен и вергинского горита на рельефах горитов чертомлыцкой группы изображены мирные сцены. В литературе существуют разные интерпретации, но большинство из них сходится в предположении, что на вещах группы показана история Ахилла» [Галданова, 2016, с. 42–45]. С другой стороны, очевидно, что совместная находка предметов скифского вооружения (горита и меча, изображения на обкладках которых здесь обсуждаются) в Чертомлыцком кургане (как и в Восьмом кургане группы «Пять братьев» (рис. 7) –

В.Л.) подтверждает связь сюжета на ножнах именно с Троянским циклом [Раевский, 1980, с. 67]. Вполне можно согласиться и с мнением Е.А. Акимовой, показавшей на основе сходства с распространенным в греческой вазописи сюжетом и особенностями иконографии Ахилла, что здесь изображен известный эпизод убийства Ахиллом царицы амазонок Пентесилеи [Акимова, 2013, с. 607]. Правда, Д.С. Раевский напоминает, что нередко «действующие лица лишены диагностических этнографических признаков (см., например, В. К. Мальмберг, Непризнанная Пенфесилия, СПб., 1901, стр. 18)» [Раевский, 1980, с. 62].

В.И. Артамонов считал, что чертомлыкские «горит и обкладка ножен меча вышли из одной мастерской... оба предмета одного стиля и одинаковой работы» [Артамонов, 1966, с. 51-52]. Позднее было установлено, что все обсуждаемые обкладки горитов обеих серий и обкладки ножен датируются в пределах 350–320 гг. до н.э. [Scheglov, Katz, 1991, p. 102]. Вопрос же о том, где конкретно были изготовлены все рассмотренные выше изделия торевтики, большинством исследователей сегодня решается в пользу того, что это произведения местных греческих мастеров в боспорских мастерских, где, возможно, работали также выходцы из варварской среды. Это мнение основано на том, что курганы, откуда происходят обсуждаемые здесь находки, расположены не так далеко от Боспора, где такие мастерские, в частности в Пантикапее, действительно найдены археологами [Русяева, 1975, с. 182; Трейстер, 1989, с. 96–99; Акимова, 2013, с. 610]. Более того, обкладка горита из гробницы Филиппа II в македонской Вергине также имеет боспорское происхождение [Акимова, 2013, с. 609]. Все накладки чертомлыкской серии (группы) практически идентичны, более того – оттиснуты с одной матрицы; первой из накладок, судя по наиболее четкому оттиску, была выполнена Мелитопольская [Акимова, 2013, с. 609]. Напомним, что Мирмекийский саркофаг с его также практически идентичными изображениями сцен из жизни Ахилла найден неподалеку от Пантикапея – в Мирмекии. Следует констатировать, что все рассмотренные выше реалистические сюжеты изображений на артефактах античного Северного Причерноморья признаются, безусловно, связанными с образом Ахилла и не вызывают научных споров.

Однако верификация некоторых других изображений на артефактах античного Северного Причерноморья, в плане их отнесения к образу Ахилла, далеко не всегда приводят к подобным, ставшими практически бесспорными результатам. Это показывает, например, история интерпретации изображений так называемого Таманского барельефа, который был найден в 1985 г. у пос. Юбилейный на Тамани и датирован концом IV – началом III вв. до н. э. (рис. 9). По его поводу начальник Гермонасской экспедиции А.К. Коровина в одном из интервью 1986 г. высказала достаточно осторожное («много не укладывается в сюжет известного мифа») мнение, что здесь изображена битва греков с амазонками под стенами Трои, причем в нижнем ярусе композиции представлен Ахилл, поражающий царицу Пентесилею [Тарунов, 1986, с. 34]. С.А. Яценко, ссылаясь на этот источник, но утверждая, что это мнение Е.А. Савостиной – автора открытия данного рельефа, приводит целый ряд

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

обоснованных доводов против вышеуказанного мнения: «Многое заставляет усомниться в справедливости такой трактовки. Условия поединка совершенно не соответствуют текстам греческого эпоса... Все сражающиеся, как пешие, так и всадники, – юноши. У пеших воинов – шаровары, распашной кафтан и длинные, рассыпающиеся по плечам волосы, как это обычно представлено у скифов. У всадников совершенно другой облик: верхняя одежда – нераспашная, с треугольным вырезом ворота, прическа очень короткая, что характерно для сарматского костюма. Всадники явно побеждают. Все детали рельефа отражают местные реалии рубежа IV–III вв. до н. э. Реальным является и то, что именно здесь – в Западном Прикубанье и именно в это время, с 310 г. до н. э., в ходе междоусобной войны сыновей Перисада I, впервые столкнулись скифы – союзники Сатира и Притана и сарматы – союзники Евмела» [Яценко, 1989, с. 124]. В самом деле, невозможно представить Ахилла всадником, сражающимся мечом (что изображено на рельефе), в то время, когда практически вся античная традиция подчеркивает его обычай сражаться пешком (кроме того, его самый распространенный эпитет – «быстроногий») и его оружие, ставшее даже символом, знаменитое копье из ясеня, подаренное Хироном Пелею, который затем передал его своему сыну Ахиллу. С другой стороны, вопреки древним источникам, изображенная на данном рельефе якобы Пентесилея сражается не конной, а пешей, и с копьем вместо меча. Так же совершенно не характерно для мифологии Ахилла подвешивать к конской узде отрубленные головы врагов, как это изображено на рельефе.

В результате подробнейшего анализа сюжета обсуждаемого рельефа, включая детальное обсуждение древних источников, описывающих эпизод убийства Пентесилеи Ахиллом («Лучше понять смысл изображения и идейный замысел мастера можно, если сопоставить этот сюжет с поединком двух других царей – Ахилла и Пентесилеи»), Л.Л. Селиванова делает следующий вывод: «На первом плане происходит главное событие – поединок предводительницы амазонок с молодым скифским царём, который или пленяет или убивает царицу... Ничто не указывает на то, что на рельефе представлена междоусобная битва кочевников» [Селиванова, 2009]. Автор открытия данного рельефа Е.А. Савостина в настоящее время считает, что «каменный рельеф представляет амазонахию – битву бежавших с греческих кораблей и разбойничавших в степях амазонок со встретившимися им молодыми скифами» [Савостина, 2014, с. 34], не упоминая об Ахилле. В.А. Горончаровский считает: «На известняковом рельефе со сценой сражения, очевидно, представлена не амазонахия, а просто схватка между безбородыми варварами, оружие и одежда которых почти не отличаются друг от друга... Противостоящего всаднику воина с копьем и горитом логично интерпретировать как образ представителя синдской знати, что наглядно подчеркивает большая гладкая гривна на его шее. Слишком длинные волосы этого персонажа, судя по всему, следует рассматривать не в качестве указания на “амазонскую” принадлежность, а как чисто этнографическую деталь. В частности, она нашла свое отражение в сохранных Афинеем строках известного ямбографа конца IV в. до н. э. Феникса Колофонского: “... синд болотный с головой в кудрях

длинных» (Athen. XII. 40. 530f)» [Горончаровский, 2011, с. 131-132]. В электронном каталоге античного фонда Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва), Восточно-Боспорская экспедиция которого под руководством Е.А. Савостиной несколько лет вела раскопки поселения Юбилейное-I на Таманском полуострове, относительно сюжета обсуждаемого здесь рельефа указано, в частности: «После сложной реставрации перед учеными предстала известняковая плита с изображением яростной схватки конных и пеших варваров (скифов? синдов? меотов?) – часть монументального многофигурного батального фриза, украшавшего святилище или героон⁹. Другими словами, составители данного каталога, по сути, соглашаются с приведенным выше мнением С.А. Яценко, а о какой-либо связи сюжета на Таманском рельефе с мифологией Ахилла никто из исследователей больше не утверждает.

Рассмотрим еще две находки, где, по мнению некоторых специалистов, изображен Ахилл. Сначала о свинцовом вотиве, найденном на греческом поселении Кателино-1 (несколько севернее Ольвии). Данный вотив представляет собой двуконную колесницу (бигу) с возницей (рис. 10), в котором опубликовавший эту находку В.В. Рубан увидел Ахилла на основании лишь косвенных аргументов (высокой степени почитания ольвиополитами Ахилла и якобы установленной связи именно с ним ольвийских агонов) [Рубан, 1982]¹⁰. К этому мнению в определенной мере присоединились С.Д. Крыжицкий и соавт. [1990, с. 58], представившие этот вотив как, дословно, «литое свинцовое изделие в виде колесницы запряженных лошадей, управляемых, вероятно, Ахиллом», а также А.С. Островерхов: «Хотя А.С. Русяева считает, что возничий – это Гелиос [Русяева, 1992, с. 122-123], версия В.В. Рубана представляется более вероятной» [Островерхов, 2006, с. 144]. Данное утверждение вызвало обоснованную критику И.А. Снытко, автора данной находки, сделанной еще в 1976 г. Он обратил внимание, прежде всего, на условия находки данного предмета – на поверхности зольно-земляного холма, расположенного на северо-западной окраине поселения Кателино-1; на территории холма, кроме данного вотива, найдено значительное число предметов культового характера, в том числе свинцовый вотив Геракла во фригийском колпаке, с палицей и рогом изобилия. Кроме того, И.А. Снытко отметил, что на кателинском зольнике отмечены многочисленные находки монет, которые в определенном контексте могли иметь сакральные функции, и сделал следующее обобщение: «Эти находки позволяют предположить, что зольный холм у с. Кателино является святилищем – эсхарой. Аналогичные памятники широко известны в Северном Причерноморье, Балканской и Малоазиатской Греции [Гайдукевич, 1963]. Подобные святилища – холмы никак не соотносятся с культом Ахилла. Напротив, их большинство, начиная со святилища на

⁹ https://www.pushkinmuseum.art/data/fonds/ancient_world/f/f_1570/index.php (дата обращения 07.04.2020 г.)

¹⁰ При этом, в плане ольвийских агонов, В.В. Рубан сослался лишь на мнение И.И. Толстого (Остров Белый и Таврика на Евксинском понте. СПб., 1918. С. 75), а в плане конских ристаний – на IPE, I², 34 (IOSPE. I². V. I. Pp. 57–61). Степень адекватности этих источников мы обсудим ниже.

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной...

горе Этэ в Средней Греции, связаны с Гераклом, где он пытался себя сжечь, страдая от яда лернейской гидры [Гайдукевич, 1963]. Не исключено, что и в вотиве, опубликованном В.В. Рубаном, имеется в виду не Ахилл, а именно Геракл. Более того, с лошадьми, запряженными в колесницу, связана одна из понтийских легенд о Геракле и его посещении Скифии при совершении десятого подвига, пересказанная Геродоту эллинами, живущими на побережье Понта (Herod. IV, 8-10)» [Снытко, 2009]. Эту не вызывающую возражений аргументацию И.А. Снытко повторил дословно спустя восемь лет [Снытко, 2017], а недавно, расширив круг своих исследований, пришел к выводу: «Исходя из находок свинцовых вотивов Афины Сотейры на зольно-земляном холме у с. Кателино – предполагаемом святилище Геракла, можно предположить, что в раннеэллинистический период бог-герой присоединился к культовому тандему Зевса и Афины в качестве Сотера, чем ольвиополитами была создана своеобразная божественная триада Спасителей» [Снытко, 2019]. Мы поддерживаем мнение И.А. Снытко, а по поводу обоснований В.В. Рубана представим свои аргументы ниже.

Еще одна попытка найти изображение Ахилла была сделана при описании уникального золотого перстня-печатки скифского времени (рис. 11), найденного в кургане № 2/2001 Перещепинского могильника около г. Бельска Полтавской области Украины (в западной округе знаменитого Бельского городища) и впервые опубликованного А.Б. Супруненко [2002]. Описывая этот уникальный артефакт, И.М. Кулатова и А.Б. Супруненко расценили изображение на нем «колiсницi з парою коней, котрою править майже оголений вiзниця, за спиною якого майорить плащ» – «колесницы с парой коней, которой правит почти обнаженный возница, за спиной которого развеивается плащ», как связанный с образом Ахилла и с культом этого бога-героя в Ольвии, сопоставив изображение Ахилла на колеснице с праздничными агонами – Ахиллеями, которые проводились в Ольвии в честь Ахилла. При этом исследователи подчеркнули гипотетичность своих толкований данного изображения [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 98-99, рис. 109, вкл. III: 4]. Однако Л.И. Бабенко, причем предварительно указав на эту самую гипотетичность и не проведя собственных исследований, безапелляционно заявляет: «Подобное толкование является вполне взвешенным (?! – В.Л.) и не вызывает возражений» и без какого-либо обсуждения и тем более сомнения сразу переходит к заключительной мысли: «Очень трудно однозначно определить, как воспринималась местным (видимо, варварским – В.Л.) населением сцена на щитке перстня с возницей, который правит колесницей (бигой) с парой коней – как непосредственно связанная с культом Ахилла или она была переосмыслена в контексте сюжетов собственной мифологии. Однако вероятность наличия местной основы для распространения культа этого героя могла способствовать популярности у населения изделий, декорированных подобными сюжетами» [Бабенко, 2018, с. 102, 105].

Оставляя в стороне неудобный вопрос¹¹, каким образом уникальный (единствен-

¹¹В том числе, почему Л.И. Бабенко не привел в своем обсуждении работы специалиста, известного не только в Украине – И.А. Снытко, аргументированно представляющие альтернативную версию образа возницы (см. выше).

но подобный!) сюжет может свидетельствовать о его собственной популярности (то есть широком распространении), призовем вернуться к констатации гипотетичности толкования данного сюжета как изображения Ахилла авторами этого толкования. Тем более, что в мифологии Ахилла невозможно найти эпизодов его лихой (с развевающимся плащом) езды на колеснице. Да и с последней Ахилла связывает разве что лишь один сюжет «Илиады» (XXII, 395–405, 463–465), где он волочит вокруг Трои привязанный к колеснице труп поверженного им Гектора. Напротив, предания подчеркивают привычку Ахилла сражаться пешим, о чем напоминает Лев Диакон (IX, 6), а самый известный эпитет Ахилла – «быстроногий». Правда, Ахилл устраивает в составе погребальных игр, посвященных Патроклу, состязания на колесницах, но сам он не принимает в них участия (Ном. II. XXIII, 271-615). И хотя Л.И. Бабенко не затрагивает тему ольвийских агонов, мы считаем необходимым остановиться на этом, поскольку данная тема периодически звучит, в том числе – для аргументации того или иного мнения (как, например, в приведенных выше суждениях В.В. Рубана о вознице Ахилле и, пусть гипотетично, но также о вознице Ахилле в работе И.М. Кулатовой и А.Б. Супруненко). Этот вопрос мы уже рассматривали в наших работах [Лазаренко, 2018а, с. 297-298; 2018с, с. 44-45], здесь приведем лишь основные моменты с дополнениями.

В.В. Рубан, как указано выше, при отнесении к Ахиллу свинцового вотива из Кателино-1 сослался на один из фрагментов книги И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте». На приведенной им странице этой книги читаем: «Записи ольвийских магистратов о благодарственных приношениях Ахиллу Понтарху содержат иногда в конце документа небольшую агонистическую приписку... В приписках 1) указывается, кто из членов магистратской коллегии одержал победу на состязаниях и 2) отмечается, в каком именно состязании указанное лицо одержало победу... На основании этих приписок мы видим, что в состав состязаний входил весь пентатл, все пять характерных видов агона: состязания 1) в прыганье, 2) беге, 3) метании диска 4) метании копья, 5) борьбе...», и далее: «Нет никакого сомнения, что состязания эти были священным агонем, справлявшимся в честь того божества-героя, к которому магистраты обращаются непосредственно в тексте своих посвячительных надписей: агон, состоявший из пяти видов указанных состязаний, был посвящен, очевидно, самому Ахиллу Понтарху» [Толстой, 1918, с. 75-76]. Как видно, упоминаний о конных агонах здесь нет вовсе. Кроме того, культ Ахилла Понтарха появился в Ольвии уже в римское время, а поселение Кателино-1 и зольник на нем, откуда происходит обсуждаемый свинцовый вотив, датируются IV–III вв. до н.э. [Крыжицкий и соавт., 1990. с. 58]. Так что экстраполировать само существование агонов как таковых на несколько веков назад представляется недостаточно обоснованным, тем более что имеется всего два памятника, лишь косвенно подтверждающих наличие агонов в Ольвии. Первый из них – известный договор между Милетом и Ольвией об исополитии 320 гг. до н.э., где указывается, что каждый милетянин имеет право «принимать участие в состязаниях» (Milet. I, 3,

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

136), но не уточняется, в каких и где. Второй – декрет Никерата первой половины II в. до н.э. (IOSPE I2, 34) с беглым упоминанием о конных агонах: «при ... состязании в конских ристаниях, установленном в честь Ахилла по предсказанию Пифии». Поэтому невозможно полностью поддержать также утверждение В.В. Латышева: «В Ольвии в честь Ахилла совершалось празднество с конными ристаниями, установленными по совету Дельфийского оракула, а также с состязаниями в беге, прыжках, метании дисков и копий» [Латышев, 1889, с. 157]. Не удивительно, что по признанию даже такой сторонницы реальности ольвийских агонов, как А.С. Русяева, «в памяти ольвиополитов не сохранилось воспоминания о каких-либо спортивных или мусических агонах в честь Ахилла» [Русяева, 2006, с. 121]. Это подтверждается, в частности, отсутствием данных о подобных агонах в известной «ольвийской» речи Диона Хрисостома. Очевидно, что обсуждаемые здесь изображения персонажей на колесницах как на свинцовом вотиве из Кателино-1, так и на золотом перстне из перещепинского кургана вряд ли имеют отношения к Ахиллу. И в обоих случаях речь должна идти о явно недостаточной адекватности аргументов в пользу версий об этом у сторонников образа Ахилла.

Вопрос о причинах популярности у скифской аристократии образа Ахилла, на наш взгляд, гораздо более сложен и интересен, при всем уважении к труду искусствоведов, чем детальный иконографический анализ самих этих изображений. Но для выяснения этого, безусловно, недостаточно констатировать, например: «Обе серии (горитов – чертомлыкская и вергинская), вероятно, были созданы специально в качестве подарков для “царей” местных племен. Более того, вполне возможно, что вручение подарков было инициированным во время какой-то важной дипломатической акции, вероятно, какой-то сложной политической ситуации, которая сделала необходимым для местных греков заручиться поддержкой местных негреческих “маленьких царей”, либо просто завоевав их, либо подкупив» [Scheglov, Katz, 1991, p. 114-115]. Поэтому мы не будем углубляться в обсуждение политической ситуации в Северном Причерноморье второй половины IV в. до н.э., которой датированы обсуждаемые предметы торевтики, хотя в некоторых рассуждениях можно встретить даже забавные моменты. Например, М.В. Русяева, отвечая на собственный вопрос: «По какому поводу боспорский царь преподнес четверем скифским вождям одинаковые дорогие дары», дает достаточно парадоксальный ответ: *«Поскольку Ахилл не славился стрельбой из лука, то на обивках в первой же сцене художник изобразил его в роли наставника и учителя, что, безусловно, было близко мировоззрению скифских вождей»* (выделение наше. – В.Л.). Известно, что скифские лучники служили в наемном войске боспорских царей, в экстремальных ситуациях скифские цари помогали им в борьбе с врагами. Поэтому не исключено, что в итоге одной из важнейших побед, одержанных Перисадом I – правителем “всей земли, которая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли”, активное участие принимали отдельные отряды скифских лучников под началом тех вождей, которые затем были похоронены в курганах, где найдены золотые обивки горитов» [Русяева,

2002, с. 137]. Полагаем, что комментарии здесь излишни, кроме вопроса: а как же быть с изображениями на обивках ножен мечей, найденных вместе с обсуждаемыми обивками горитов и не укладывающихся в «логику» рассуждений о ценности для скифских лучников образа Ахилла, который, как свидетельствуют древние источники, вообще не стрелял из лука?

Рассмотренный выше ряд изображений на произведениях торевтики, найденных в скифских курганах: золотых обкладок (обивок) горитов и ножен мечей, является, конечно, неоспоримым свидетельством популярности образа Ахилла в скифской среде. Однако следует учитывать отмеченное, в частности, Геродотом (IV, 76): «Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, причем они избегают не только обычаев прочих, но особенно эллинских»; тем более что Геродот сразу же после этих слов приводит примеры печальной участи Анахарсиса (IV, 76-77) и Скила (IV, 78-80). Поэтому прямое почитание скифами Ахилла, как героя Троянской войны, весьма сомнительно. Очевидно, были другие причины его популярности. Но при этом явно недостаточным представляется заключение такого рода: «Это тем более вероятно в связи со значительным распространением культа героя в Северном Причерноморье» [Черненко, 1981, с. 86]. Хотя, например, Н.А. Онайко считает, что изображения на горитах «чертомлыкской» серии являются доказательством «того большого значения культа Ахилла, которое он приобрел в этих краях» [Онайко, 1970, с. 28], но А.С. Русяева утверждает, что они представляют собой «свидетельство популярности в Скифии этого героя и его подвигов, но не указание на его культ» [Русяева, 1975, с. 182].

Б.В. Фармаковский сделал интересный вывод о неслучайности выбора сюжета для воспроизведения его на золотых накладках парадных горитов – из мифа об Ахилле «выбраны те моменты, где играет роль оружие. Весь цикл сцен ... прославляет оружие. Герой владеет оружием с детства! Увидев оружие, Ахилл заражается настоящей “манией Ареса”, он бросает все., идя на верную гибель под Трои, чтобы только добыть себе славу. Рельефы наших обивок – гимн герою и апофеоз оружия, которое создает героя. Оружие дает имя и славу герою, дает истинное блаженство. Удел героя – слава, это высшее счастье, которое может даровать смерть Судьба. Вот идея рельефов наших обивок. Рельефы имеют глубокое, прекрасное символическое значение. Они – выраженное в образах пожелание славы обладателю горита» [Фармаковский, 1911, с. 97-98]. Но в таком случае мифология Ахилла, более того – ее жертвенный подтекст, должны были быть известны скифам до мелких деталей, что, конечно, маловероятно. Оригинальное мнение высказала И. В. Яценко: «Следует обратить внимание, что пластины со сценами из жизни Ахилла, непревзойденного воина, погибшего от роковой стрелы, покрывающие гориты, предназначенные для хранения луков и стрел. Эта связь, по-видимому, имеет внутренний смысл магического характера. Стрелы, взятые из этих горитов, могут принести смерть и таким непобедимым героям, каким являлся Ахилл. Такой мотив мог быть близок скифам, известным в античном мире в качестве первоклассных стрелков. Возможно, и в скифских

украшением именно горита, т. е. футляра фигурирующего в мифе лука; вновь, как и в ряде рассмотренных выше случаев, семантика предмета и смысл украшающих его мотивов оказываются тождественными, второй на сюжетном уровне разъясняет первую» [Раевский, 1980, с. 56-58; 1985, с. 164–169]. Однако таких доводов, по нашему мнению, еще недостаточно для объяснения того, почему именно Ахилл был столь почитаем в скифской среде. Приходится согласиться с Е.А. Акимовой, которая считает: «Оружие с изображением сцен из жизни Ахилла пользовалось популярностью у скифов, что могло иметь место при условии почитания божества, с которым отождествлялся греческий герой. Причиной появления на скифских накладках греческого героя могли быть определенные ассоциации, соотносившие его с местным богом со схожими функциями... Однако неверным было бы считать, что степные кочевники полностью отождествляли Ахилла с Тагимасадом или с другим схожим божеством. Вероятно, любые подобные ассоциации могли иметь место только в среде городского варварского населения, контактировавшего с эллинами» [Акимова, 2013, с. 612].

Говоря о схожести образа Ахилла с Тагимасадом или Колаксаем, уместно вспомнить ряд древних сообщений о скифской природе самого Ахилла. Самое раннее из сохранившихся таких свидетельств – известный фрагмент Алкея (конец VII – начало VI вв. до н.э.): «О Ахиллес, владыка земли скифской» (Alceus. Fr. 48B). И если это еще можно было бы считать своеобразным продолжением гомеровского предания об Ахилле – «владыке над мертвыми в земле Киммерийской» (т.е. практически в Скифии), то нельзя обойти вниманием сообщение Евстафия Фессалоникийского, который в комментариях к «Землеописанию» Дионисия указывает, говоря об Ахилловом Дроме, что в отличие от гомеровского героя был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время ее преследования, от чего это место и названо Ахилловым» (Eustath. 306 Müllerus). Лев Диакон также говорит (Hist. IX, 6) о скифском происхождении Ахилла: «Ведь Арриан в своем “Перипле”, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покроем его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза». Вряд ли все эти сообщения были лишены каких-либо оснований.

На наш взгляд, необходимо рассматривать вопрос популярности образа Ахилла среди скифов не только в плане греческого влияния на варварскую среду, но и в контексте влияния местной среды на греческие культы в Северном Причерноморье¹².

¹² К сожалению, лишь декларативность заявлений на эту тему далеко не редкость. Например, Л.И. Бабенко упоминает «вероятность наличия местной основы для распространения культа этого героя (Ахилла)» [Бабенко, 2018, с. 105], но никак не рассматривает эту самую «местную основу».

Крупная исследовательница индоарийской проблемы Е.Е. Кузьмина давно¹³ постулировала: «Поскольку скифы принадлежали к индоевропейцам, у них должны были сохраниться общеиндоевропейские представления, что подтверждается при анализе археологических и изобразительных материалов... Идеологические представления ираноязычных кочевников могут реконструироваться на нескольких уровнях... (в том числе) на индоевропейском, поскольку скифы принадлежали к индоевропейской семье народов и должны были унаследовать общие индоевропейские представления» [Кузьмина, 2002, с. 107, 117]. Следует отметить и то, что в заключение своего обстоятельного исследования скифской религии С.С. Бессонова констатировала: «Преобладающей формой (скифской) религии был культ племенного бога-воителя, что являлось отражением значения племени как военной и социальной единицы, а также могущества племенной военной знати... в ней наиболее выражены черты периода индоиранской и индоевропейской общности, очевидно, за счет слияния с религиозными представлениями доскифского населения Северного Причерноморья» [Бессонова, 1983, с. 119].

Напомним, что, говоря о скифском происхождении Ахилла. Лев Диакон (Hist. IX, 6) упоминает его «белокурые волосы, светло-синие глаза». В «Илиаде» неоднократно встречается словосочетание «русый Ахилл», Пиндар (Nem. III, 43) также говорит об этом. Клавдий Гален в своем труде «О составных частях тел» (II, 5) указывает, что «у всего скифского племени волосы умеренно растущие, тонкие, прямые и рыжие». Между тем, «тривиальная» белокурость издавна приписывалась индоевропейскими нарративными традициями их носителям и каким-то образом связана с общеиндоевропейским этногенезом. Индоевропейские этносы от Греции до Индии с завидным упорством приписывали себе определенный первоначальный (истинный) антропологический облик – «белокурый, светлый, (иногда) голубоглазый» [Лелеков, 1982, с. 33-34; Шапошников, 2010, с. 256]. Тем самым, очевидно, необходимо расширить за пределы собственно скифов круг племен Северного Причерноморья, которым был безразличен образ Ахилла, и попытаться определить глубокие истоки почитания ими Ахилла. Поэтому следует рассмотреть другие племена Северного Причерноморья не только в скифском, но и в общем индоевропейском контексте.

Большинство исследователей полагает, что процессы сложения и распада индоевропейской языковой общности (вопрос прародины индоевропейцев стоит несколько отдельно) происходили в течение IV–III тысячелетий до н.э. на огромной территории, от Балкано-Карпатского региона до причерноморско-прикаспийских степей, в центре которой – Северное Причерноморье, где и произошли главные события формирования и разделения индоевропейской общности, начавшиеся в Балкано-Дунайском регионе. Глубокая лингвистическая аргументация в работах О.Н. Трубачева, анализировавшего «нескифское в скифском», дала основа-

¹³Эти положения впервые опубликованы в Тезисах докладов конференции «Идеологические представления древнейших обществ» (М. [б. и.], 1980).

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

ние понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идет о местностях, заселенных «старыми ариями», то есть ариями (неточно, хотя и общепринято – индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной массы на юго-восток и восток в III тысячелетии до н.э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. И, как полагает О.Н. Трубачев, «таким реликтовым анклавом могла быть и Старая Скифия, ἀρχαία Σκύθιη в Северо-Западном Причерноморье. Это был как бы остаток части народа, отделившейся и ушедшей на юго-восток. Название ἀρχαία Σκύθιη “старая Скифия” у Геродота (IV, 5) равнозначно морскому побережью Одесского и Каркинитского заливов» [Трубачев 1999, с. 99-102]. Данные племена реликтовых ариев и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам.

В.Н. Топоров, первым блестяще показавший на лингвистическом материале индоевропейское, причём догреческое происхождение образа Ахилла, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического “пред-Ахилла”, связанного со змеями, подчеркнув его теснейшую связь с “первостихиями” творения – огнём и водой, а также роль как “посредника между Небом и Землёй”» [Топоров, 1986; 1990, с. 76, 91]. Последнее имеет четкую параллель со Змеем как аналогом Мирового дерева – оси и центра мироустройства [Топоров, 2010, с. 221–224], что подтверждено сравнительными исследованиями индоевропейских языков, где обнаружено, что Змей выступает даже как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания [Маковский, 1996, с. 175–179]. Кроме того, змей выступает в роли Первопредка индоевропейцев [Маковский, 2014, с. 124–129].

Нами было показано, что в Северном Причерноморье с IV по I тысячелетие до н.э. включительно, а также в первые века н.э. был распространён, причём непрерывно, культ змей, преимущественно связанный с племенами, носителями гаплогруппы R1a – последовательно это следующие культуры: трипольская, катакомбная, срубная, белозерская [Лазаренко, 2016a; 2018b]; на основе этого культа, очевидно, и сформировался культ Άχι-Змея – Верховного божества и Первопредка ранних индоевропейцев (ариев); он затем послужил фундаментом догреческого генезиса образа пра-Ахилла, в том числе его имени, возможно, ещё с катакомбного времени [Лазаренко, 2015; 2016b; 2018a, с. 172–175, 348]. Кроме того, нами показан варварский характер многих культовых находок на Бейкушском святилище (уникальном для всей Греции в плане тесной связи культа Ахилла со змеями) и обосновано предположение, что подношения здесь в виде кратких граффити A, AX и AXI [Русяева, 1971]¹⁴, тем бо-

¹⁴Как и на соседних поселениях Большая Черноморка-II [Отрешко, 1977] и Березани (любезное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии

лее – с изображениями змей, являлись подношениями не Ахиллу-герою Троянской войны, но АХI-Змею реликтовых ариев. В итоге обосновано, что решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н.э., Аhi-Змея – Первопредка (а в своих истоках – Верховного бога) и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения [Лазаренко, 2018а, с. 369].

Д.С. Раевский, предлагая свою версию толкования изображений на обкладках горитов чертомлыкской серии, упомянул, что «согласно скифской мифологической традиции, в трехчленной сословно-кастовой организации скифского общества, восходящей к индоевропейской и специфически индоиранской модели, Колаксай – родоначальник сословия воинов» [Раевский, 1980, с. 57]. Дополним, что Колаксай младший сын Таргитая, по Геродоту – первого жителя Скифии. Колаксай унаследовал царство и от него произошло племя паралатов. Кроме того, все племена потомков Таргитая «вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами» (Herod. IV, 5-6). Следует остановиться на индоевропейском аспекте образа Колаксайа подробнее. В частности, нельзя оставить без внимания его связь со змеями. Валерий Флакк в «Аргонавтике» повествует (VI, 33, 49-53, 57-60, 61-63) о битве в Скифии и Колаксе, предводителе племени бисалтов¹⁵. При этом Валерий Флакк указывает на происхождение Колаксайа от верховного божества и некоторые другие интересные в контексте нашего исследования детали: «Колаксай, тоже божественной крови: Юпитер его на скифском побережье произвел вблизи зеленой Мираки и тибисенских устьев, прельщенный (если это достойно веры) *полузверским телом и не уstraшенный двумя змеями нимфы*¹⁶ ... сам Колаксай собрал воздушных драконов, отличие матери Оры, и с обеих сторон противопоставленные змеи сближаются языками и наносят раны точеному камню». А.К. Шапошников, ученик и последователь О.Н. Трубочева, сделал глубокий лингвистический анализ имени Колаксайа: «Этноним Колой, имя собственное Колоксай, племя или социальная группа Сколотов – все это факты не индоиранских языков, они продолжают индоевроп. *k^wola, *k^wolos-, *k^woles- “колесо, колесница и т.п.”. Реликт *kola-ksai-: родоначальник скифов Κολαζαις < индоевроп. *k^wola – производн. от *k^wel- “колесо, колесная повозка (ср. праслав. *kola, *kolo, kol-eso); *ksai- “обитающий”; в целом, Колаксай – “обитающий в повозке”; ср. др.-греч. кальку ἀμαζό-βιοι “в повозке

Национальной академии наук Украины в 2004–2019 гг., безвременно ушедшего от нас летом 2019 г. во время исследований на Березани).

¹⁵На то, что бисалты были фракийским племенем, указывает Стефан Византийский (s.v. Βισαλτία).

¹⁶Здесь видна явная аналогия с полудевой-полузмеей Ехидной в геродотовом предании о происхождении скифов. Выделение фрагмента текста курсивом наше. Впервые эта скифская этнологическая легенда, как и другие, проанализирована Д.С. Раевским [1977, с. 44–53].

2012. С. 303; Чередниченко, 2012а]. Ономастика Скифии, Таврики и Боспора содержит мощный пласт языковых реликтов фракийского облика; например, большинство городов Восточного Крыма и Восточного Приазовья имеют фрако-дакийские названия; существует мнение об очень ранней миграции фракийцев не только в эти районы, но и до Черноморского побережья Кавказа [Чередниченко 2013, с. 12; Яйленко 2016, с. 58, 63]. Очевидно, недаром Страбон (VII, 3, 2) высказал мнение со ссылкой на Гомера об общем происхождении скифских и фракийских племен, а Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) писал; «... скифы – они полукровка фракийцам».

Связь с Фракией в контексте нашего исследования представляется крайне важной, поскольку Верховным богом фракийцев был Фракийский всадник, истоки образа которого уходят в далекое индоевропейское прошлое [Топоров, 1992, с. 23-24]. Дело в том, что и сам образ, и культ Фракийского всадника имели в своих истоках очень много общего с образом Ахилла и его культом в Северном Причерноморье, в том числе в плане связи со змеями [Лазаренко, 2017; 2018а, с. 230–248]. Культ змей имел в скифское время серьезное значение и в международной политической жизни Северного Причерноморья. Об этом свидетельствует не находившее до последнего времени объяснения сообщение Геродота (IV, 105): «За одно поколение до похода Дария им [неврам] пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов». Нами показано, что за этим загадочным пассажем Геродота с достаточной степенью вероятности кроется реальный факт вытеснения невров фракийским племенем, которое почитало своего Верховного бога (Фракийского всадника) в неразрывной связи с образом змея [Лазаренко, 2019b].

О весьма вероятной связи скифов и более раннего арийского населения Северного Причерноморья свидетельствует то, что недавно при специальном исследовании древних останков скифского могильника у с. Глиное (Слободзейский район Приднестровья) обнаружен носитель гаплогруппы R1a [Krzewińska et al. 2018]. Об этом же говорит также находка гаплогруппы R1a в ископаемой скифской ДНК (датировка 2305±90 лет назад), сделанная в волжских степях Самарской области [Naak et al. 2015]. Поэтому следует подчеркнуть, что скифы, пришедшие в Северное Причерноморье, по сути вернулись на родину своих далеких предков, ранних носителей гаплогруппы R1a. И это немаловажно в контексте данных о ранних индоевропейских (арийских) истоках культа Ахилла для понимания истоков популярности образа Ахилла среди скифской аристократии.

Вернемся к образу Ахилла, который, как показано выше, выходит далеко за пределы понимания его лишь как героя Троянской войны, пусть даже великого. Приведем только два примера, но связанные с обсуждаемыми здесь изображениями на обкладках горитов и ножен мечей. Пребывание Ахилла на острове

обкладок ножен мечей со сценами из мифологии Ахилла именно на Боспоре и находки большинства из них неподалеку от Боспора. Совершенно прав И.Ю. Шауб, утверждая, что в связи с вопросом о религиозном влиянии варварского окружения на греков-колонистов исключительный интерес представляет Боспор, где в результате активного взаимодействия греков-переселенцев с местными племенами сложилась оригинальная культура, в которой эллинская основа органически соединилась с целым рядом варварских элементов, причем одной из наиболее своеобразных областей этой греко-варварской культуры была религия [Шауб, 2008, с. 114-115]. Особенности культа Ахилла в Северном Причерноморье особенно ярко выражены именно на Боспоре. Это подтверждено, во-первых, находками в Феодосии, Мирмекии, крепости Артезиан, на Тамани, в районе Гермонассы ряда граффити и дипинти в виде А, АХ и АХI с датировкой от V–IV вв. до н.э. до первой половины I в. н.э. Но наибольшее количество граффити, так или иначе связанных с Ахиллом, происходит из знакового места, расположенного несколько севернее, где Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Сегодня его возможно идентифицировать с одним из соседствующих поселений: Батарейка-I, Батарейка-II, Каменная Батарейка у южного основания косы Чушка в районе Динского залива. Кстати, эта значительных размеров коса (почти 18 км) вполне подходит под определение Ахиллова Дрома, который Присциан (Perieg. 297–299), видимо, не случайно располагал «вблизи устья Меотиды», то есть Керченского пролива. Нами ранее обосновано предположение, что сами Ахилловы Дромы, без каких-либо культовых объектов на них, были объектами почитания, напоминая Змея-Ахилла – Верховного бога, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью¹⁸. Это проявилось не только в реально огромных размерах, как в случае Тендровской косы, но и в эпитетах Ахилловых Дромов, которые по свидетельствам древних располагались в разных местах – от устья Дуная до Керченского пролива: «великий», «пустой», «белый»¹⁹ и т.п. И служили они, очевидно, символами «Пути Ахилла» – реликтовой памятью представлений об Ахилле-Змее как Верховном божестве и Первопредке ранних индоевропейцев Северного Причерноморья [Лазаренко, 2018а, с. 274–300; 2018с]. Во-вторых, на Боспоре, как и в Крыму вообще, культ Ахилла имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, что подчеркивает его местные древнейшие корни, которые, видимо, и обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа [Лазаренко, 2019а]. Это позволило культу Ахилла на Боспоре сохранить свои исконные особенности в течение пяти веков – до

¹⁸Об этом свидетельствует эпитет Ахилла в Эпире – Аспет, поскольку Ἄσπετος означает «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле – несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233].

¹⁹Учитывая значение белого цвета в индоевропейском мировоззрении, в том числе для греков (см. выше сноску 15).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Е. А.* Ахилл в греко-варварской торовитике Северного Причерноморья. Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 606–613.
- Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 272 с.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
- Андроникос М.* Царские гробницы в Вергине (из истории раскопок) // ВДИ. 1990. № 1. С. 107–129.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 120 с.
- Бабенко Л. І.* Щодо інтерпретації сюжету золотого персня з Перещепинського могильника // Феномен Більського городища – 2018: Пам’яті П. Я. Гавриша (1956–2018): збірник наук. праць. Харків; Котельва: Майдан, 2018. С.101–107.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.
- Блаватский В.Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII–IV вв. до н.э.) // СА. 1964а. № 2. С. 13–26.
- Блаватский В.Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. – III в. н.э.). // СА. 1964 б. № 4. С. 26–35.
- Болтенко М.Ф.* Herodoteanea // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса, 1960. С. 33–55.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2016. 48 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Мирмекийские зольники – эсхары // КСИА. 1965. № 103. С. 28–37.
- Галданова О.А.* Фигуративные изображения в декоре обкладок ножен и горитов из скифских курганов IV века до н. э. и их иконографические прототипы // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6. / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 42–51.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история восточного Средиземноморья. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1996. 331 с.
- Горнчаровский В.А.* Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10 / Ред. Э.Д. Фролов. СПб. [б.и.], 2011. С. 115–140.
- Жебелёв С.А.* Введение в археологию. Часть 1: История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. 199 с.
- Клёсов А.А.* Вопросы и комментарии // Вестник Академии ДНК–генеалогии. 2013. Т. 6. № 7. С. 1321–1323.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. 136 с.
- Кузьмина Е.Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.: Российский институт культурологии, 2002. 288 с.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б.* Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ: ЦП НАНУ і УТОПК, 2010. 200 с.
- Лазаренко В.Г.* Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // Новый

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

- Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2015. С. 30–54.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н.э. // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2016а. С. 37–48.
- Лазаренко В.Г.* Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VIII / Глав. ред. А.Б. Егоров. Санкт-Петербург, 2016b. С. 13–60.
- Лазаренко В.Г.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. IX / Отв. ред. И.Ю. Шауб. Санкт-Петербург, 2017. С. 97–152.
- Лазаренко В.Г.* Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018а. 416 с.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей и ранние индоевропейские миграции // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. III. Запоріжжя: Дике Поле, 2018b. С. 115–128.
- Лазаренко В.Г.* Феномен Ахиллова Дрома // БИ. Вып. XXXVII / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018с. С. 28–55.
- Лазаренко В.Г.* Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // БИ. Вып. XXXIX / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019а. С. 20–57.
- Лазаренко В.Г.* Сообщения Геродота о неврах, агафирсах и будинах в контексте древних культов Северного Причерноморья // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиэвистики / Глав. ред. И.Ю. Шауб. Вып. XI. СПб., 2019 б. С. 18–75.
- Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Часть 2. Богослужбные и сценические древности. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1889. 326 с.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // Известия Императорской археологической комиссии. 1904. Вып. 10. СПб. С. 1–91.
- Лелеков Л.А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. № 3. С. 31–37.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. Москва: Владос, 1996. 416 с.
- Маковский М.М.* Индоевропейская этимология: Предмет – методы – практика. М.: Либроком, 2009. 362 с.
- Маковский М.М.* Семиотика языческих культов. В кн. Маковский М.М. Язык как феномен. Москва: Ленанд, 2014. С. 124–168.
- Мальмберг В.* Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // Материалы по археологии России. Вып. 13. Древности кургана Карагодеуашх. 1894. СПб.: Издание Императорской археологической комиссии. С. 122–192.
- Мальмберг Вл. К.* Непризнанная Пенфесилия. Методологический этюд. Посвящается Петру Васильевичу Никитину, по поводу тридцатилетия служения его русскому просвещению. Напечатано по распоряжению Императорского русского археологического общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 21 с.
- Мальмберг В.К.* Воин на золотой обивке ножен из Чертомлыкского кургана и на вазе из Нолы // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. По поводу сорокалетия его ученой и пятидесятилетия учено-литературной деятельности. Казань: издание книжного магазина

- М.А. Голубева, 1913. С. 514–524.
- Мальмберг Вл.* Воин, защищающий павшего товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства / В.К. Мальмберг // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула / Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т.21. Харьков: Типография «Печатное дело», 1914. С. 310–317.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Ленинград: Искусство, 1987. 144 с.
- Норманская Ю.В.* Цветообозначения в древнегреческом языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. Изд-е 2-е. М.: Ком Книга, 2011а. С. 54–65.
- Норманская Ю.В.* Цветообозначения в санскрите // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. Изд-е 2-е. М.: Ком Книга, 2011б. С. 40–53.
- Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II веках до нашей эры. САИ. Вып. Д1-276. М.: Наука, 1970. 213 с.
- Острроверхов А.С.* Античная стеклянная глиптика на юге восточной Европы (VI–II вв. до н.э.) // ВДИ. 2006. № 2. С. 131–154.
- Отрешко В.М.* Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н.Н. Бондарь. Киев: Вища школа, 1977. С. 40–44.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Раевский Д.С.* Эллинские боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. 1980. № 1. С. 49–71.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 255 с.
- Рубан В.В.* Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино-1 // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наукова думка, 1982. С. 54–58.
- Русяева А.С.* Культіві предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.
- Русяева А.С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, 1975. С. 174–185.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. 255 с.
- Русяева А.С.* Святылище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. № 4. С. 98–123.
- Русяева М.В.* Основной сюжет на золотых обивках горитов «чертомлыцкой серии» // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II. С. 125–144.
- Савостина Е.А.* Иконография скифской битвы и «боспорский стиль»: новый повод для обсуждения проблемы // Таврические студии. Серия: Исторические науки. 2014. № 6. Симферополь: Изд-во Крымского университета культуры, искусств и туризма. С. 32–40.
- Селиванова Л.Л.* Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки? // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного технического университета. 2009. № 1 (23). С. 131–150.
- Снытко И.А.* О культе Ахилла в Нижнем Побужье в античную эпоху // БФ. Искусство на периферии античного мира / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 365–371.
- Снытко И.А.* Ещё раз о культе Геракла в Нижнем Побужье в VI–III вв. до н.э. // Північне

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

- Причорномор'я за античної доби: На пошану С.Д. Крижицького. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 195–201.
- Снытко И.А.* Божественная триада Сотеров в Пантеоне Ольвии классической и раннеэллинистической эпох // *Материалы конференции Laugra III. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева.* Харьков: ООО «НТМТ», 2019. С. 78–82.
- Стефани Л.* Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России. ОАК за 1864 г. СПб., 1865. 246 с.
- Супруненко О.Б.* Античний перстень з Більська (попереднє повідомлення) // *Археологічний літопис Лівобережної України.* 2002. № 1 (11). С. 1-2 обкл.
- Тарунов А.* На Тамани, среди виноградника // *Вокруг света.* 1986. № 4. С. 30–34.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 262с.
- Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград: 2-я Гос. типография, 1918. 164 с.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства: Вып. 2. Древности скифо-сарматские. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. 164 с.
- Топоров В.Н.* К реконструкции «прото-Ахилла» // *Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры.* М.: Наука, 1986. С. 25–37.
- Топоров В.Н.* Об архаическом слое в образе Ахилла // *Образ-смысл в античной культуре.* М: Изд-во ГМИИ, 1990. С. 64–95.
- Топоров В.Н.* Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // *Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения – I / Ред. колл.: Н. В. Злыднева, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян.* Москва: [б.и.], 1992. С. 3–32.
- Топоров В.Н.* «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации // *Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы.* В 2 томах. Т 1. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 210–262.
- Трейстер М.Ю.* Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.) // *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара.* Новочеркасск, 1989. С. 89–101.
- Трубачев О.Н.* *Indoagica* в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV веков до н.э. / Пер. с англ. СПб.: Славия. 1995. 272 с.
- Фармаковский Б.В.* Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыкского курганов // *Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому.* СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 45–118.
- Чередниченко А.Г.* Заметки о древнейших названиях Фракии // *Древности 2012.* Харьковский историко-археологический ежегодник. Том 11. Харьков: ООО «НТМТ», 2012а. С. 8–13.
- Чередниченко А.Г.* Северное Причерноморье, «курганная культура» и вектор миграций индоевропейцев в III–II тыс. до н. э. // *Материалы Международной конференции «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры». VII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Феодосия (10–15 сентября 2012 г.).* Феодосия: [б.и.], 2012б. С. 197–211.
- Чередниченко А.Г.* К проблеме полиэтничного состава Древней Фракии // *Древности 2013.*

Боспорские исследования, вып. ХLI

- Харьковский историко-археологический ежегодник. Том 12. № 12. Харьков: ООО «НТМТ», 2013. С. 8–18.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
- Шапошников А.К.* Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.
- Шапошников А.К.* Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 251–262.
- Шапошников А.К.* Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология / Ж.Ж. Варбот (отв. ред.). М.: Наука, 2012. С. 252–308.
- Шауб И.Ю.* Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Т. I. СПб, 2002. С. 186–189.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 484 с.
- Шауб И.Ю.* О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII – начало III в. до н. э.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 1. 2008. С. 113–120.
- Шауб И.Ю.* Из истории исследования религиозной жизни Ольвии догетской эпохи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009а. Т. 3. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного технического университета. С. 47–55.
- Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009б.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 150–168.
- Яйленко В.П.* Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей // БИ. Вып. XXXIII / Отв. ред. В.Н. Зинько, Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 30–94.
- Яценко И.В.* Искусство эпохи железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.: Искусство, 1977. С.43–103.
- Яценко С.А.* Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – первой пол. III в. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 120–126.
- Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens: Ekdotike Athenon, 1984. 244 p.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. Nature. 2015. 522. P. 207–211.
- Klyosov A.A., Rozhanskii I.L. Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the Legendary Aryans as Witnessed by the DNA of Their Current Descendants. Anthropology. 2012. Vol. 2. No 1. P. 1–13.
- Krzewińska M., Kilińc G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. Science Advances. 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat4457.
- Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati: American book company, 1901. 1776 p.

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной... 

Richter G.M.A. A Greek Sword Sheath of a Scythian King, Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. Vol. XXVI. # 1. 1931. P. 44–48

Scheglov A.N., Katz V.I. Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal. 1991. No. 26. P. 97–122.

REFERENCES

Akimova E. A. Akhill v greko-varvarskoi torevtike Severnogo Prichernomor'ia. *Bosporskiĭ fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrĕstke*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013, pp. 606–613.

Alekseev A. Iŭ. *Zoloto skifskikh tsareĭ iz sobraniĭa Ėrmitazha*. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2012, 272 p.

Alekseev A. Iŭ., Murzin V. Iŭ., Rolle R. *CHertomlyk. Skifskiĭ tsarskiĭ kurgan IV v. do n. ě*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 416 p.

Andronikos M. TSarskie grobnitsy v Vergine (iz istorii raskopok). *Vestnik drevnei istorii*, 1990, No. 1, pp. 107–129.

Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha*. Praga: Artiiā; Leningrad, Sovetskiĭ khudozhnik Publ., 1966, 120 p.

Babenko L. I. SHCHodo interpretatsii siuzhetu zolotogo persniā z Pereshchepins'kogo mogil'nika. *Fenomen Bil's'kogo gorodishcha – 2018: Pam'iatĭ P. IA. Gavrisha (1956–2018): zbirnik nauk. prats'*. Xarkiv; Kotel'va, Maĭdan Publ., 2013, pp.101–107.

Bessonova S.S. *Religioznye predstavleniĭa skifov*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 138 p.

Blavatskiĭ V. D. Vozdeĭstvie antichnoi kul'tury na strany Severnogo Prichernomor'ia (VII–IV vv. do n.ě). *Sovetskaiā arkheologiiā*, 1964a, No. 2, pp. 13–26.

Blavatskiĭ V. D. Vozdeĭstvie antichnoi kul'tury na strany Severnogo Prichernomor'ia (IV v. do n.ě. – III v. n.ě). *Sovetskaiā arkheologiiā*, 1964b, No. 4, pp. 26–35.

Boltenko M.F. Herodoteanea. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*. Issue 4, Odessa, 1960, pp. 33–55.

Butiāgin A.M., Vinogradov Iŭ.A. *Mirmekiĭskiĭ sarkofag v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha*. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 2016, 48 p.

Gaidukevich V.F. Mirmekiĭskie zol'niki – ěskhary. *Kratkie soobshcheniĭa instituta arkheologii*, 1965, No. 103, pp. 28–37.

Galdanova O.A. Figurativnye izobrazheniĭa v dekore obkladok nozhen i goritov iz skifskikh kurganov IV veka do n. ě. i ikh ikonograficheskie prototipy. *Zakharova A. V., Mal'iseva S. V., Staniĭkovich-Denisova E. Iŭ. (Eds.). Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*. Issue 6, St. Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 42–51.

Gindin L.A., TSymburskiĭ V.L. *Gomer i istoriĭa vostochnogo Sredizemnomor'ia*. Moscow: Vostochnaiā literatura RAN Publ., 1996, 331 p.

Goroncharovskiĭ V.A. Sindika v period vozvedeniĭa Semibratnikh kurganov. *Mnemon. Issledovaniĭa i publikatsii po istorii antichnogo mira*. Issue 10. Ed. Ė.D. Frolov. St. Petersburg, 2011, pp. 115–140.

ZHebelĕv S.A. *Vvedenie v arkheologiiū. Part 1: Istoriĭa arkheologicheskogo znaniĭa*. Petrograd, Nauka i shkola Publ., 1923, 199 p.

Klĕsov A.A. Voprosy i kommentarii. *Vestnik Akademii DNK–genealogii*. 2013, vol. 6, No. 7, pp. 1321–1323.

Kryzhitskiĭ S.D., Buĭskikh S.B., Otreshko V.M. *Antichnye poseleniĭa Nizhnego Pobuzh'ia*

Боспорские исследования, вып. XLI

- (*arkheologicheskaiā karta*). Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 136 p.
- Kuz'mina E.E. *Mifologiiā i iskusstvo skifov i baktriūtsev*. Moscow, 2002, 288 p.
- Kulatova I.M., Suprunenko O.B. *Kurgani skifs'kogo chasu zakhidnoi okrugy Bil's'kogo gorodishcha*. Kiiiv, UTOPIK Publ., 2010, 200 p.
- Lazarenko V.G. Obraz Zmeiā i arkhaischeskiī kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e. *Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii*. Issue VII. Ed. A.B. Egorov. St. Petersburg, 2015, pp. 30–54.
- Lazarenko V.G. Kul't zmei v Severnom Prichernomor'e IV-I tysiācheletii do n.ē. *Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'iāna Mogila»*. Issue I. Ed. I.A. Mikhaīlov. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ, 2016a, pp. 37–48.
- Lazarenko V.G. Ranniī period arkhaischeskogo kul'ta Akhilla v Severnom Prichernomor'e. *Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii*. Issue VIII. Ed. A.B. Egorov. St. Petersburg, 2016b, pp. 13–60. [In Russian].
- Lazarenko V.G. Kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e i Frakiiskii vsadnik. *Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii*. Issue IX. Ed. I.IU. SHaub. St. Petersburg, 2017, pp. 97–152.
- Lazarenko V.G. *Akhill – bog Severnogo Prichernomor'ia*. Izhevsk, SHelest Publ., 2018a, 416 p.
- Lazarenko V.G. Kul't zmei i rannie indoevopeiskie migratsii. *Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'iāna Mogila»*. Issue III. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2018b, pp. 115–128.
- Lazarenko V.G. Fenomen Akhillova Droma. *Bosporskie issledovaniia*. Issue XXXVII. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch'-Simferopol': Krymskii federal'nyi universitet im. V.I. Vernadskogo, 2018c, pp. 28–55.
- Lazarenko V.G. Osobennosti kul'ta Akhilla v Krymu i na Aziatskom Bospore. *Bosporskie issledovaniia*. Issue XXXIX. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch'-Simferopol': Krymskii federal'nyi universitet im. V.I. Vernadskogo, 2019a, pp. 20–57.
- Lazarenko V.G. Soobshcheniia Gerodota o nevrakh, agafirsakh i budinakh v kontekste drevnikh kul'tov Severnogo Prichernomor'ia. *Novyi Germes. Vestnik klassicheskoi arkheologii, antikovedeniia i medievistiki*. Ed. I.IU. SHaub. Issue XI. St. Petersburg, 2019 b, pp. 18–75.
- Latyshev V.V. *Ocherk grecheskikh drevnostei. Part 2. Bogosluzhebnye i stsenicheskie drevnosti*. St. Petersburg, 1889, 326 p.
- Latyshev V.V. Ėpigraficheskie novosti iz iuzhnoi Rossii (nakhodki 1901–1903 godov). *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*. 1904. Issue 10. St. Petersburg, pp. 1–91.
- Lelekov L.A. K noveishemu resheniiu indoevopeiskoi problem. *Vestnik drevnei istorii*, 1982, No. 3, pp. 31–37.
- Makovskii M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevopeiskikh iazykakh: Obraz mira i mir obrazov*. Moscow, Vlado Publ., 1996, 416 p.
- Makovskii M.M. *Indoevopeiskaiā etimologiiā: Predmet – metody – praktika*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 362 p.
- Makovskii M.M. Semiotika iazycheskikh kul'tov. In: Makovskii M.M. *Iazyk kak fenomen*. Moscow, Lenand Publ., 2014, pp. 124–168.
- Mal'mberg V. Pamiatniki grecheskogo i greko-varvarkogo iskusstva, naidennye v kurgane Karagodeuashkh. *Materialy po arkheologii Rossii*. Issue 13. Drevnosti kurgana Karagodeuashkh. 1894. St. Petersburg, pp. 122–192.
- Mal'mberg V.K. Voin na zolotoi obivke nozhen iz Chertomlykskogo kurgana i na vaze iz Noly. In:

Боспорские исследования, вып. XLI

- Snytko I.A. Bozhestvennaïa triada Soterov v Panteone Ol'vii klassicheskoi i ranneellinisticheskoi epokh *Materialy konferentsii Laurea III. Antichnyi mir i Srednie veka: CHteniiã pamiãti professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva*. Xar'kov, 2019, pp. 78–82.
- Stefani L. Opisanie nekotorykh veshchei, naïdennykh v 1863 g. v IUzhnoi Rossii. *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1864 g.* St. Petersburg, 1865, 246 z.
- Suprunenko O.B. Antichniï persten' z Bil's'ka (poperedne povidomlenniã). *Arkheologichniï litopis Livoberezhnoi Ukraïni*. 2002, No. 1 (11), pp. 1-2 cover.
- Tarunov A. Na Tamani, sredi vinogradnika. *Vokrug sveta*. 1986, No. 4, pp. 30–34.
- Terenozhkin A.I., Mozolevskii B.N. *Melitopol'skii kurgan*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, 262 p.
- Tolstoï I.I. Ostrov Belyï i Tavrika na Evksinskom Ponte. Petrograd, 1918, 164 p.
- Tolstoï I., Kondakov N. *Russkie drevnosti v pamiãtnikakh iskusstva: Issue 2. Drevnosti skifo-sarmatskie*. Saint-Petersburg, 1889, 164 p.
- Toporov V.N. K rekonstruktsii «proto-Akhilla». In: *Balkany v kontekste Sredizemnomor'ia: Problemy rekonstruktsii iãzyka i kul'tury*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 25–37.
- Toporov V.N. Ob arkhaiskom sloe v obraze Akhilla. In: *Obraz-smysl v antichnoi kul'ture*. Moscow, GMII Publ., 1990, pp. 64–95.
- Toporov V.N. Eshche raz o frakiïskom vsadnike v balkanskoï i indoevropeskoï perspective. *Zlydneva N. V., Toporov V. N., TSiv'ian T. V. (Eds.). Obraz mira v slove i rituale. Balkanskie chteniã – I*. Moscow, 1992, pp. 3–32.
- Toporov V.N. «Mirovoe derevo». Opyt semioticheskoi interpretatsii. In: *Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы*. Vol. 1. Moscow, Rukopisnye pamiãtniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 210–262.
- Treïster M.IU. Matritsy iz Pantikapeia (k voprosu o bosporskoï torevtike IV v. do n.è.). *Kochevniky evraziïskikh stepei i antichnyi mir (problemy kontaktov). Materialy 2-go arkheologicheskogo seminara*. Novochechensk, 1989, pp. 89–101. [In Russian].
- Trubachev O.N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.
- Uil'iãms D., Ogden D. *Grecheskoe zoloto. IUvelirnoe iskusstvo klassicheskoi epokhi. V–IV veka do n.è.* St. Petersburg, Slaviiã Publ., 1995, 272 p.
- Farmakovskii B.V. Zolotyie obivki naluchii iz Il'inet'skogo i CHertomlyk'skogo kurganov. *Sbornik arkheologicheskikh statei, podnesennyï grafu A. A. Bobrinskomu*. St. Petersburg, 1911, s. 45–118.
- CHerednichenko A.G. Zametki o drevneishikh nazvaniiaïkh Frakii. *Drevnosti 2012. Xar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. Vol. 11. Xar'kov, 2012a, pp. 8–13.
- CHerednichenko A. G. Severnoe Prichernomor'e, «kurgannaia kul'tura» i vektor migratsii indoevropetsiv v III–II tys. do n. è. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Severnoe Prichernomor'e: k istokam slaviãnskoï kul'tury». VII CHteniiã pamiãti akademika O. N. Trubacheva. Feodosiã (10-15 sentiãbria 2012 g.)*. Feodosiã, 2012b, pp. 197–211.
- CHerednichenko A.G. K probleme poliãtnicheskogo sostava Drevnei Frakii. *Drevnosti 2013. Xar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. Vol. 12, No. 12, Xar'kov, 2013, pp. 8–18.
- CHernenko E.V. *Skifskie luchniki*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1981, 168 p.
- SHaposhnikov A.K. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. *Voprosy iãzykoznaniiã*. 2005, No. 5, pp. 30–67.
- SHaposhnikov A.K. Indoevropeskiï ètnogenez – svidetel'stvuiut mifologiiã, lingvistika, onomastika i DNA-genealogy. In: *Indoevropeskaia istoriã v svete novykh issledovaniï*. Moscow, 2010, pp. 251–262.

Боспорские исследования, вып. ХLI

Образ Ахилла, очевидно, напоминал собой в варварской среде Северного Причерноморья вечно живого Первопредка, если не Верховного бога. Именно это, видимо, и послужило значительной популярности его мифологии не только у греков данного региона, но и у скифов.

Ключевые слова: скифская тореутика, культ Ахилла, Северное Причерноморье, индоевропейская языковая общность, Фракия.

Summary

Using data from archaeology, ancient literature and linguistics the adequacy of verification of ancient images in terms of their attribution to the image of Achilles is assessed. This requires very serious justification because of its pre-Greek, Indo-European roots. The image of Achilles evidently resembled the barbarian environment of the Northern Black sea region the ever-living first Ancestor if not the Supreme God. Apparently, this served as significant popularity of its mythology, not only among the Greeks of this region but also among the Scythians.

Keywords: Scythian toretics, Achilles cult, Northern Black sea region, Indo-European language community, Thrace.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение
высшего образования (ФБГОУ ВО)
«Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
lazvgr@yandex.ru.
+7 - 912-853-0667.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor.
Federal state-financed educational institution of higher education
“Izhevsk’ state technical University
named after M. T. Kalashnikov”.
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
lazvgr@yandex.ru.
+ 7 - 912-853-0667.



Рис. 1. Обкладка чертомлыкского горита [Алексеев, 2012, с. 207].



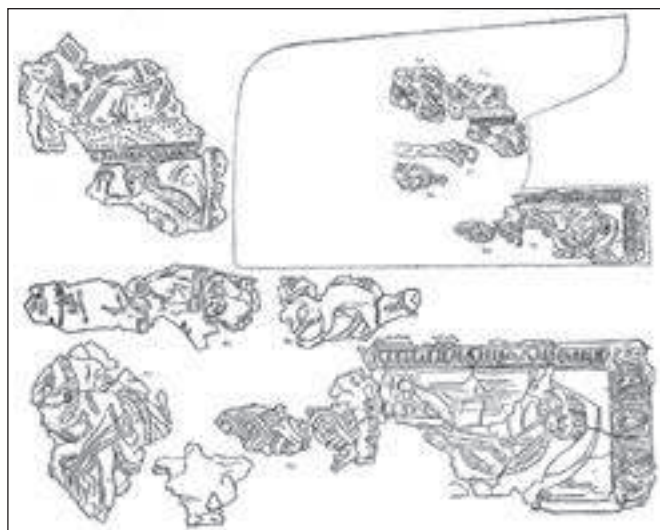
Рис. 2. Обкладка мелитопольского горита
[Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 140].



Рис. 3. Обкладка горига из Восьмого Пятибрагнего кургана [<https://www.msk.kr.ru/daily/27068/4137878/> Дата обращения 09.04.2010].



Рис. 4. Мирмекийский саркофаг [Бутягин, Виноградов, 2016].



А



Б

Рис. 5.

А – реконструкция обкладки горита из кургана Карагодоеашх [Мальмберг, 1894, рис. 1–7, табл. IX].

Б – обкладка горита из Вергины [Andronicos, 1984, fig. 146–149].



Рис. 6. Обкладка ножен меча из кургана Чертомлык [Алексеев, 2012, с. 214-215].



Рис. 7. Обкладка ножен меча из Восьмого Пятибратнего кургана
[<https://www.msk.kp.ru/daily/27068/4137878/> Дата обращения 09.04.2010].



Рис. 8. Обкладка ножен меча из кургана Чаян [Scheglov, Katz, 1991, fig. 1].



А



Б

Рис. 9.

А – оригинал фрагмента Таманского рельефа;

Б – прорисовка данного рельефа с реконструкцией изображения [Селиванова, 2009, рис. 1-2].

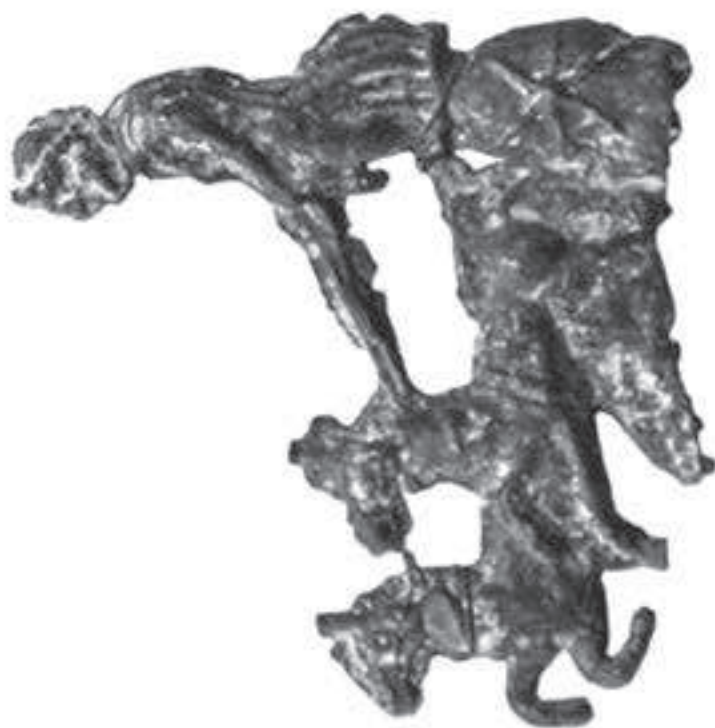


Рис. 10. Свинцовый вотив, найденный на зольнике поселения Кателино-1 близ Ольвии [Снытко, 2017, рис. 1].



Рис. 11. Золотой перстень-печатка из кургана № 2/2001 Перещепинского могильника около г. Бельска [Супруненко, 2002].